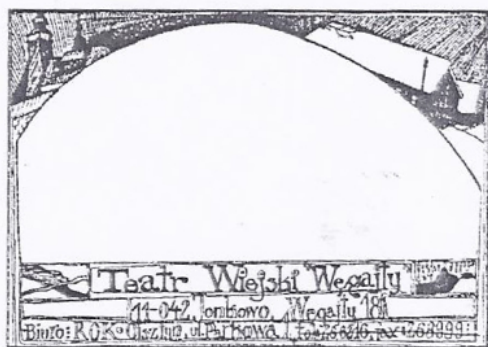

Камила Шиманчик

«ВЕНГАЙТЫ»

Здесь и всюду
Моя земля, куда ни обернусь
И на каком ни слышу языке
Ребенка пенье, разговор влюбленных.

Чеслав Милош

Группа приезжих из разных городов и стран создала большой театр в Венгайтах под Ольштыном. Здесь они нашли свою малую родину.

— Здесь было пусто и глухо. Кто мог — уезжал. Оставленные хозяйства, поваленные изгороди. Мы выбрали разрушенную крестьянскую усадьбу у леса, колонию Венгай-

ты, отовсюду далеко, — вспоминает Вацлав Собашек... — Я приезжал из Ольштына на станцию Годки, а дальше шел через лес. Спать ложился в разрушенном доме. Было тихо. Приходил то барсук, то олень, в сумерках залетали хищные птицы. Я не мог уснуть: все думал, как построить наш дом...

Эрдмута, жена Вацлава, училась польскому языку с поразительной легкостью. Ее отец — протестантский пастор, мать — богослов. Они жили в Западной Германии, но сменили ее на ГДР, считая, что там они нужней. Эрдмута говорит, что она пруссачка, принадлежит к народу, которого уже нет и о котором поэт Иоганнес Бобровский писал:

*Названия говорят о тебе,
растоптанный народ, склоны гор,
реки, часто еще не поблескивая,
камни и дороги —
вечером песни и преданья,
шорох ящериц — все называет тебя...*

Дом Вацеку помогли строить Малгося и Вольфганг Никлаус: они познакомились друг с другом в театре в Градзеницах.

Вольфганг родился в Мюнхене, изучал театроведение в Вене. Он говорит, что за учебу заплатил болезнью: перестал быть горожанином — даже такого прекрасного города, как Вена. Он знает немецкий, итальянский, английский, польский; поет по-цыгански, на идише, по-украински, по-белорусски, по-русски.

Создатели театра сами родом не из деревни, но культивировать сельские традиции стало их страстью. К своим спектаклям и концертам они относятся не как к исключительно артистической деятельности — скорее как к образу жизни.

Первый их спектакль «История Винценца» был поисками общей идиллической родины. Вчитываясь в страницы гуцульской эпопеи Станислава Винценца «На высокой полонине», обнаруживаешь, что народы могут жить рядом в согласии, что у мира есть смысл, что музыка — не только искусство, но и порыв души, что Бог есть.

Хасидские истории, гуцульские мелодии, рассказ о танцующем митрополите добрались до Вармии. В спектакле один из актеров, словно обычный деревенский балагур, ведет рассказ о героях представления. Рассказу сопутствуют музыка и танец. Играют не только актеры-музыканты, но и деревянные скульптуры и куклы, которых «оживляет» Вольфганг Никлаус. Сидя за столом, он рассказывает историю «истинного еврея Пинхаса», который получил приглашение на королевский двор и своим

усердием загубил возможность пришествия Мессии. Немецкий акцент актера, напоминая характерную певучесть польской речи довоенных евреев, придает спектаклю дополнительное очарование.

Общая родина обретается в театре.

С течением времени Венгайты все больше вросли в моренный пейзаж, а создатели театра все сильнее сближались с традициями земли, на которой осели. Об этом говорит их второй спектакль — «Путь к вечному покою». Его литературной основой стала «Долина Иссы» Чеслава Милоша, но события, порожденные этой прозой, обогатились текстами и песнями, прямо связанными с территорией северной Польши. Спектакль — словно передача по наследству воспоминаний. Рядом с событиями, которые происходили с конкретными людьми, появляются описания народных обычаев и праздников, а в мире воспоминаний даже трагические перерождаются в восторг перед белым светом.

Театр «Венгайты» многое черпает из народных традиций, хотя его создатели не считают, что их дело — воскрешать и возвращать уже погибшие традиции. Они не намерены поворачивать историю вспять. А все-таки говорят: как жаль, что традиции забылись. И собирают осколки тех песен и обычаев, что еще помнятся, — но ничего не реконструируют.

Если верно, что культура, не говоря уже о цивилизации, не может вернуться к своим истокам, то это обязано делать искусство. Сельский театр «Венгайты», возникший «для себя», по внутренней потребности его создателей, заработал хорошее отношение в ближайших окрестностях, в ближайшей вармийско-мазурской родине.

Венгайты — это еще и набравшийся опыта оркестр.

— У самых истоков театра мы решили, что каждый должен на чем-нибудь играть, — вспоминает Вацлав Собашек. — Актер обязан быть музыкантом. Инструмент должен быть для него как бы частью тела.

И вот они играют и поют, а публика подпевает.

Светлана Буцкая, музыковед из Москвы, давно сдружившаяся с коллективом театра, говорит, что в Польшу ее притягивает именно то, что здесь есть места взаимопроникновения разных культур. «Такая уж ваша и наша, извините за выражение, бардачная ментальность. И в этом вся прелесть».

Жена Вацека Эрдмута в программном тексте написала, что «петь стало делом стыдливым... петь для нас уже дело неочевидное». Поэтому они и ставят свои спектакли, собирая «перехожие» песни, те, что поются в хождениях от одного храмового праздника к другому, на святки, на свадьбах и похоронах.

Атмосферу этого места, кроме актеров и музыкантов, создает и группа бывающих в Венгайтах сочувствующих и поклонников. Перед вокзалом в Ольштыне публику ждет старенький автобус и проводник с конюшенным фонарем, сразу привлекающим внимание среди света банальных лампочек. Гостей везут сначала по шоссе, потом проселком, а после высаживают у леса в полной темноте. Они идут за проводником через луга и перелески, по ландшафту, о красоте которого в туманную ночь можно только догадываться.

Зрители приезжают из разных городов и городков и всегда остаются до утра, а бывает, что и на весь следующий день.

После спектакля на глиняном полу овина начинается общее веселье, которому вторят мелодии оберегов и полек. Молодежь в джинсах и хлопчатобумажных рубашках отчаянно пляшет польку — это производит немалое впечатление. Отдохнуть можно у деревенской печки, попивая чаек за круглым столом с вышитой скатертью...

В Венгайтах царит атмосфера свободы, а к гостям относятся как к старым знакомым. В живописных безлюдных окрестностях приезжие чувствуют себя отчасти как на большой маевке: прямо из театрального зала выходишь на луг и в лес. Отлично вписался в здешнюю атмосферу привезенный из-под Млавы старый цыганский воз.

Жизнь здесь течет в другом ритме, и трудно поверить, что в полудне езды — «цивилизованный мир».

«Венгайты» — передвижной театр, он часто сам отправляется в далекие и близкие путешествия: в Нижние Бескиды, к униатам северной Польши, даже на Гуцульщину. Побывали они у цыган и староверов, а на Пасху всегда ездят на Сувальщину петь народные «аллилуйки». Ибо вот мы и дождались Воскресения Христова, а стол уставлен долгожданными яствами. Музыканты из Венгайт стараются найти для каждого члена семьи подходящую песню, втянуть деревенских жителей в общее пение. Театр везде принимают тепло и сердечно. Столы всегда полны пирогов, копченостей и самогонки.

Шесть лет работает «Школа» («Schola») при сельском театре «Венгайты», которой руководит Вольфганг Никлаус.

«Школа» поставила себе исключительно трудную задачу. Она хочет ответить на вопрос: как некогда переживали тайну веры? Ответа здесь ищут, воскрешая старинные мистерии, возникавшие в те времена, когда театр еще не вышел за стены храмов.

Поставленная в Тынецком монастыре драма XII века «Ordo stellae» («Речь о звезде») напоминала о событиях, связанных с Рождеством Христовым. Важную роль в спектакле играла музыка — разумеется, такая старинная и священная, как григорианский хорал. Исполнители не вживаются в роли действующих лиц, а изображают их с помощью стилизованной жестикуляции, основанной на старинных миниатюрах из рукописных книг, заимствованной с полотен старых мастеров. Они используют особый тип движения: передвигаются замедленно, рассчитанно.

Средневековые драмы снова наполняются жизнью. Когда отзвучит последняя нота, не обрушиваются аплодисменты, актеры не выходят раскланиваться. Зрители расходятся в молчании. Характерное для театра деление на исполнителей и зрителей стерто. Спектакли позволяют почувствовать, что люди, жившие в прошлом, близки нам — разделяет лишь разрыв во времени.

Спектакли «Школы» всегда производят сильное впечатление. Они играют в костелах, при погашенных свечах, и собравшиеся сопричастны исполнителям. Никлаус и руководимая им труппа стремятся максимально приблизиться к эстетике и характеру старинных литургических зрелищ. Два года назад они выступили в ольштынском кафедральном соборе со спектаклем «Ludus Paschalis» («Пасхальное игрище») — циклом средневековых литургических драм, исполнявшихся на Светлой неделе. Среди них и самая важная, прайсток европейского театра, — «Visitatio sepulchri» («Пришествие ко гробу»). Зрители стали молчаливыми участниками литургии, которая служилась сотни лет назад.

После этого спектакля Томаш Мостицкий написал:

«Деятельность театра «Венгайты», понятия его участников об эстетике и ритме, столь отличающиеся от всего, что принесла нам под конец XX века наша бездушная и утомленная собой европейская цивилизация, — это очищение.

Вне зависимости от нашего мировоззрения, нас приглашают к мудрому и серьезному разговору о том, откуда мы пришли. А это может дать повод к раздумьям о том, куда мы идем...»